

[Рец. на: / Review of:] **S. Dekker. *Old Russian birchbark letters: A pragmatic approach*. Leiden: Rodopi, 2018. 200 p. ISBN 9789004362383.**

Павел Владимирович Петрухин

Pavel V. Petrukhin

Институт русского языка им. В. В. Виноградова
РАН, Москва, Россия; ppetrukhin@gmail.com

Vinogradov Russian Language Institute, Russian
Academy of Sciences; ppetrukhin@gmail.com

DOI: 10.31857/S0373658X0005711-1

Книга Симеона Деккера — новое свидетельство резко возросшего в последние годы интереса к прагматике древнерусских текстов, ср., в частности, монографии Даниэля Коллинза [Collins 2001] и Марии Лазар [Lazar 2014].

Для берестяных грамот точкой отсчета в этом отношении стала новаторская работа [Гиппиус 2004]. В ней выделен значительный разряд берестяных грамот, текст которых «распадается на части, обладающие различной ролевой структурой, то есть имеющие разных авторов или адресатов» [Там же: 185]. Такие грамоты А. А. Гиппиус предложил называть «коммуникативно неоднородными». Примером может служить грамота из Старой Руссы № 15 (1-я пол. XII в.):

ЃѢ Петра къ Василеви. Вѣдаи :с: коунъ и гривнюу Вышатѣ. Али ти не дастъ, а пристаи на нь отро(к)ъ. ‘От Петра к Василию. Дай шесть кун и гривну Вышате’. Дальнейшее обращено уже к Вышате: ‘Если же он (Василь) не даст, то пошли на него отрока’.

Согласно убедительной трактовке Гиппиуса [2004: 192–194], на которую опирается приведенный выше перевод [ДНД₂: 328–329], первая фраза в письме обращена к ее титульному адресату, Василию, и приказывает ему отдать долг Вышате, вторая же фраза обращена к Вышате и наделяет его правом отправить к Василию судебного исполнителя («отрока») в случае, если Василь не отдаст долг. Ситуация мыслится таким образом, что Вышата обратился к Петру (очевидно, должностному лицу, обладающему необходимыми полномочиями) в связи с невыплатой долга и сам доставил письмо Василию. Как отмечает Гиппиус [2004: 194], «это, по существу, не столько письмо Петра к Василию, сколько своего рода “мандат”, выданный Петром Вышате и выполняющий двоякую функцию: с одной стороны, он предписывает должнику (Василию) отдать деньги предъявителю (Вышате), а с другой — уполномочивает предъявителя в случае отказа применить соответствующую санкцию».

Крайне любопытно, что, согласно Гиппиусу, письмо Петра к Василию «построено так, как если бы Петр давал устные распоряжения стоящим перед ним Василию и Вышате» [Там же]. В целом, по словам исследователя, «такой специфический феномен, как скрытая коммуникативная неоднородность берестяного письма, во многом объясняется имитацией в письменном тексте структуры устного диалогического общения» [Там же: 203].

Это наблюдение подводит нас к основной теме монографии С. Деккера, объединяющей все представленные в ней case studies, а именно к идее о том, что берестяные грамоты занимают промежуточное положение между сферами письменной и устной коммуникации (“an intermediate position on the orality/literacy continuum”) (с. IX)¹. Ряд рассматриваемых в книге лингвистических явлений указывает на принципиальную вторичность письменной коммуникации по отношению к устной в данную эпоху (ср. [Гиппиус 2004: 204], со ссылкой на [Franklin 1985]). Книга Деккера интересна прежде всего тем, что, следуя в направлении, заданном работой Гиппиуса [2004], она позволяет увидеть берестяную письменность

¹ Далее указываются страницы рецензируемой книги.

как культурное явление, отражающее переход от дописьменного общества к письменному, а отдельные языковые особенности грамот как своеобразные отпечатки этого перехода.

Этому очень способствует типологический уклон работы: сопоставление данных берестяных грамот с материалом других (главным образом, древних) письменностей делает очевидной неслучайность наблюдаемых явлений.

Совокупность теоретических и методологических подходов, применяемых в книге, автор обозначает словом «прагмафилология», давая последней следующее определение: «As we have seen, we use philology, within philology we narrow down to linguistic philology, within linguistics we focus on pragmatics; now, the combination of these terms leads us to pragmaphilology» (с. 38). По-видимому, прагмафилологию можно понимать как использование методов, принятых в лингвистической прагматике, для интерпретации конкретных (в данном случае, древних) текстов.

«Промежуточный» статус берестяных грамот в «устно-письменном континууме» означает среди прочего, что последние по своей прагматике и коммуникативной структуре не совпадают ни с устным диалогом, ни с привычной нам письменной формой общения. Основная отличительная особенность берестяной переписки состоит в фигуре «посыльного», доставлявшего письмо адресату. Так, в случае с грамотой Ст. Р. 15 роль посыльного выполняет один из ее адресатов — Вышата.

Фигура посыльного объясняет многие из нетривиальных особенностей берестяной корреспонденции, обнаруженных Гиппиусом. В частности, это касается «скрытой» коммуникативной разнородности текстов грамот. То, что порой оказывается проблемой для современного исследователя (например, отсутствие эксплицитно обозначенной смены адресата), очевидно, не было таковой для самих участников переписки: как отметил Деккер, «a text can very well exist without any cohesive markers at all. Coherence just has to be achieved in a different way, i. e. within a situation of oral performance» (с. 68).

Логично, что в плане маркирования смены адресата берестяные письма отличаются от официальных документов того же времени (в частности, опубликованных в [ГВНП]); в последних, по наблюдениям Деккера, смена адресата всегда отмечается двумя показателями: личным местоимением и вокативом. В берестяной письменности встречаются три варианта (с. 66): 1) как и в официальных (пергаменных) документах, обращение к новому адресату маркируется с помощью личного местоимения 2-го лица и вокатива (ср. гр. № 358, 1340–1360: *а ты, Нестере*); 2) используется только местоимение, но не вокатив (ср. гр. № 177, 1360–1380); 3) смена адресата не обозначается вовсе (ср. Ст. Р. 15). Разглядеть какие-либо тенденции в диахроническом распределении этих трех вариантов пока не представляется возможным ввиду малого количества примеров (с. 66). Понятно, что, в отличие от отправителей берестяных писем, авторы пергаменных документов обращались не к конкретному лицу в конкретной ситуации, а к потенциально неограниченной аудитории, поэтому коммуникативную структуру текста следовало обозначить максимально четко. Отсутствие эксплицитного указания на смену адресата в конечном счете также связано с близостью берестяных грамот к сфере устной коммуникации (с. 51).

С фигурой посыльного связан и такой вопрос, как передача чужой речи в берестяных грамотах, и прежде всего проблема определения границ прямой речи (цитаты). Поскольку двоеточие и кавычки (или какие-либо аналогичные средства пунктуации) в древнерусской письменности не применялись, читателю приходилось самому определять границы между цитатой и авторской речью. Исследователям берестяных грамот хорошо известно, сколь непростой может быть эта задача. Почему же практика использования прямой речи в грамотах не прекращалась на протяжении всей истории берестяной письменности?

Теоретически можно допустить, что это связано с отсутствием у авторов берестяных грамот навыков использования косвенной речи. В самом деле, преобразование прямой речи в косвенную требует от говорящего и пишущего больших усилий, чем простое воспроизведение чужих слов, так как это преобразование предполагает изменение «шифтерных» показателей, таких как местоимения, время и т. п. (с. 100); таким образом, здесь

сталкиваются предпочтения автора и читателя берестяной грамоты: первому проще использовать прямую речь, второму легче воспринимать косвенную. Как бы то ни было, С. Деккер опровергает идею В. В. Колесова [2009: 494] о том, что в древнерусском языке «[к]освенная речь развивается позже прямой одновременно с развитием гипотаксиса». По словам Деккера, “[t]hat this claim is, to say the very least, not supported by the birchbark data becomes clear from the fact that indirect speech is attested from the very beginning of the period” (с. 91). Следовательно, использование прямой речи на протяжении всей истории берестяной письменности по крайней мере в определенной степени связано с работой «посыльного», ср.: “Non-transparent referential expressions were thus made up for by the messenger’s personal presence. It follows from this that even towards the end of the period the messenger could still play a prominent role, and the pattern of communication could still be largely oral” (с. 110).

Любопытно, что, по словам Гиппиуса [2004: 194], грамота Ст. Р. 15 является «своего рода “мандатом”, выданным Петром Вышате». Иными словами, хотя Вышата имел возможность устно передать Василию приказ Петра, грамота (хоть и лишенная печати, подписи и прочих атрибутов официального документа) была необходима для того, чтобы подтвердить истинность слов Вышаты. А. А. Гиппиус [2004] вслед за Д. М. Буланиным [Bulanin 1997] склонен объяснять подобную практику тем, что на Руси, куда письменность пришла вместе с христианством, письмо как таковое было окружено своего рода ореолом сакральности, придававшим особое значение письменному тексту. В то же время Деккер отметил, что аналогичные примеры в западноевропейской средневековой письменности трактуются прямо противоположным образом: предполагается, что гонец удостоверяет подлинность написанного. Указав на парадоксальную противоречивость трактовок по сути одного и того же явления, исследователь предложил компромиссное решение: по его мнению, оба подхода отчасти справедливы, так как и устное сообщение, передаваемое гонцом, и письменный текст взаимно «удостоверяют» друг друга (с. 185).

Также в книге разбирается такой любопытный феномен, как использование в берестяных грамотах прошедшего времени глаголов «вместо» настоящего. Примером здесь может служить начало берестяной грамоты из Торжка (Торж. 10, 1200–1220):

Ѓ Онуѡрьѣ къ матери. Пошьль Петрѣ къ тебе, поемъ конь и матьль Лазар(е)въ
‘От Онуфрии к матери. Пошел Петр к тебе, взяв Лазарева коня и плащ’ [ДНД₂: 452].

Согласно [Гиппиус 2004: 200], доставить это письмо должен был сам Петр. «Тем самым, — отмечает А. А. Зализняк, — “пошел” здесь фактически означает “вот сейчас отправляется”» [ДНД₂: 452]. Аналогичным образом многие грамоты начинаются словами *послалъ есмь* в значении ‘вот сейчас посылаю’, тогда как формы настоящего времени (*посылаю*) не встречаются вовсе (с. 117). Деккер сопоставляет это с аналогичными явлениями в ряде языков — латыни, древнегреческом, древнееврейском и некоторых других, указывая, что в научной литературе по отношению к примерам подобного рода утвердился термин «эпистолярное прошедшее». В рецензируемой монографии впервые (и, на наш взгляд, справедливо) предложено рассматривать древнерусские примеры как частный случай этого типологически хорошо засвидетельствованного явления, характерного, что существенно, именно для древних памятников письменности.

Использование эпистолярного прошедшего обычно объясняется тем, что пишущий мысленно ставит себя на место получателя письма: настоящее пишущего станет прошедшим для адресата. Следовательно, мы имеем дело с чем-то вроде эпистолярного этикета. Однако автор книги не согласен с тем, что формы эпистолярного прошедшего ориентированы на «перспективу адресата». Его контраргумент состоит в том, что если бы имелась в виду перспектива адресата, то, например, в грамоте Торж. 10 следовало бы написать не *пошьль* (*Петрѣ къ тебе*), а *пришьль*, так как мать Онуфрии получит письмо лишь после того, как Петр к ней *придет*. В связи с этим Деккер предлагает рассматривать формы эпистолярного прошедшего как действительно содержащие референцию к событиям

в прошлом. Так, записывая *послать есмь*, отправитель, по мнению исследователя, бросает ретроспективный взгляд на то, что предшествовало отправке письма, а именно, решение об отправке и процесс подготовки письма (и, возможно, чего-то или кого-то еще) к отправке. Само письмо при этом содержит своего рода «ратификацию» этих решений и приготовлений (с. 136).

Однако аргумент, согласно которому «принятие» перспективы адресата неизбежно требовало бы замены *пошль* на *пришль*, представляется спорным. При замене настоящего времени прошедшим (*идеть* > *пошль*) само обозначаемое событие остается неизменным, меняется лишь точка зрения на него. Замена *пошль* на *пришль* — совсем другого рода: написав *пришль Петръ къ тебе*, Онуфрия, вообще говоря, высказал бы утверждение, не соответствующее действительности; кроме того, речь бы шла не об одном и том же событии, рассматриваемом с двух разных точек зрения, а о разных событиях, имеющих разную временную локализацию. В силу этого трактовка эпистолярного прошедшего как элемента письменного этикета, предписывающего учитывать при письме временную перспективу адресата, представляется мне как минимум не менее правдоподобной, чем то объяснение, которое предложил Деккер.

Последняя (восьмая) глава книги посвящена другому любопытному явлению, впервые отмеченному Зализняком, а именно перформативному употреблению перфекта и некоторых других претеритов в древнерусских текстах, ср.: «Специализированный частный случай исходного значения перфекта составляет перформативное (или близкое к таковому) значение, проявляющееся прежде всего в начальных формулах официальных актов, например: *се азъ Мьстиславъ ... повелѣлъ ѥсмь* (т. е. ‘повелеваю этой своей грамотой’), *се въдале Варламе* (т. е. ‘я, Варлам, дарую этой своей грамотой’) и т. п., ср. выше. В берестяных грамотах этот тип значения представлен во фразах: *Иванаа моловила Оимь* (т. е. ‘говорит этим своим письмом’) Ст. Р. 11 (XII), *Изо тебе братоу своемуу приказале* (т. е. ‘приказываю этим своим письмом’) 344 (нач. XIV в.)» [ДНД₂: 175]; ср. также в грамоте № 955 (2-я пол. XII в.): *Рѣкла ти такъ Милоуша* [НГБ XII: 55]. В более поздних грамотах эту же функцию наряду с перфектом выполняет аорист, ср. типичные формулы типа: *се купи*, *се дахъ*, *се урядись*, *се роздѣлишась*, *се розмѣнишась* и т. п. [ДНД₂: 174].

Особый случай встретился в грамоте № 510 1-й пол. XIII в., которая открывается словами *Съ сталь бышь Коузма на Здылѣ и на Домажировица* [ДНД₂: 470]. Согласно [Гиппиус 2004: 223], плюсквамперфект <стале быше> имеет здесь перформативное значение: ‘Настоящим Кузьма обвиняет Сдылу и Домажировича’. По-видимому, семантика плюсквамперфекта в данном случае не играет роли: плюсквамперфект выступает в качестве «книжного» претерита, придающего больший вес документу, ср. употребление в аналогичных контекстах аориста. В этом отношении показательна грамота № 136 (1360–1380), начинающаяся с «аориста с окончанием, заимствованным из имперфекта» [ДНД₂: 595]: *Се доконьцаху Мысловѣ дѣтѣ*; очевидно, что здесь семантические и формальные характеристики отступают на задний план, важна лишь «престижность» книжной глагольной формы.

Комментируя этот пример, Деккер сослался (с. 146) на мою статью, но тут, к сожалению, случилось недоразумение. В [Петрухин 2013] идет речь о восточнославянском сверхсложном прошедшем времени (*есмь былъ пришль*). Утверждается, что данная временная форма может использоваться как своего рода противоположность перформативных претеритов и перформативного презенса: если последние вводят в действие некоторое постановление, то сверхсложная форма, наоборот, отменяет действие ранее принятого акта, ср.:

Мы, великии кнѣзь Витовтъ, даемъ вѣданье всѣмъ, кто на сеи листъ узозритъ, или слышитъ, дали есмо землю, кановникомъ(ъ) Виленскимъ(ъ) <...> што были есмо дали кнѣзю Юрью (1399 г., № 78 [Грамоти XIV]).

В данном случае перфект *дали есмо* означает передачу земли виленским каноникам, а сверхсложное прошедшее *были есмо дали*, наоборот, прекращает действие акта о передаче этой же земли князю Юрию.

В отличие от сверхсложной формы, книжный плюсквамперфект (*блше пришьль*) в подобной функции никогда не используется. В [Петрухин 2013: 75–76] подчеркнуто, что мы рассматриваем сверхсложное прошедшее и книжный плюсквамперфект как две разные временные категории. Деккер, по-видимому, посчитал, что моя трактовка сверхсложной формы как способной «отменять» действие акта распространяется и на форму книжного плюсквамперфекта грамоты № 510 и что, следовательно, я предложил интерпретацию грамоты, «радикально отличную» (с. 146) от предложенной Гиппиусом и состоящую в том, что данной грамотой Кузьма снял обвинения со Сдылы и Домажировича. В действительности ничего подобного в моей статье не утверждается; приведя грамоту № 510 как один из возможных примеров использования претеритов в перформативном (или близком к таковому) значении, я лишь присоединился к мнению Гиппиуса [Петрухин 2013: 86–87].

Вопрос о том, следует ли называть древнерусские претеритные формы, подобные тем, о которых говорится выше, перформативными, отнюдь не прост. Недаром А. А. Зализняк осторожно характеризует их значение как «перформативное (или близкое к таковому)» [ДНД: 175]. Действительно, по Дж. Остину перформативный глагол должен иметь вид *first-person present indicative*, здесь же речь идет о прошедшем времени и нередко 3-м лице. Согласно тому же классическому определению, в перформативных высказываниях может использоваться лишь ограниченная группа глаголов с определенной лексической семантикой (перформативные глаголы), у нас же наряду с «правильными» перформативами встречаются лексемы совсем иного рода (*молвити, купити, дати* и т. п.).

Существенно, что, по замечанию Деккера, «the use of past tense forms for performative verbs seems to occur mostly in ancient language» (с. 151); в числе последних древние семитские языки (включая древнееврейский и классический эфиопский) и древнегреческий.

Гипотеза, с помощью которой С. Деккер объясняет использование прошедшего времени в обсуждаемых примерах, в целом следует той же логике, что и предложенное им объяснение «эпистолярного прошедшего», ср.: “At first, the past tense was used to refer to the preceding oral transaction, but later on the past tense forms may have been reinterpreted as declarations, where their past tense value was no longer taken at face value” (с. 170). И далее: “We can assume that with the growth of the institutional function of these formulae, they came to be reanalysed as performative verbs, so that the past tense started to be associated with performatives” (с. 172). Таким образом, мы вновь возвращаемся к проблеме соотношения устного и письменного способов коммуникации в древних обществах: в рамках изложенной гипотезы претеритные перформативы несут на себе отпечаток трех эпох (оказываясь своеобразным связующим звеном между ними): эпохи, когда сделки совершались устно, переходного времени, когда за устной сделкой следовала письменная, и, наконец, новой эпохи, где первостепенное значение приобрел уже письменный документ (ср. с. 175).

Помимо перечисленных *case studies*, книга (в первой главе) содержит вводные сведения о берестяных грамотах, древненовгородском диалекте и языковой ситуации в средневековом Новгороде. В самом деле, как отмечает Деккер, “apart from the field of Slavic philology, the birchbark letters are hardly known and appreciated in broader circles of linguists or historians. This is unfortunate, and mostly due to the inaccessibility of Russian-language publications for a wider international audience”. Хотя основная цель первой главы — снабдить читателя необходимым минимумом сведений для понимания последующих глав книги, она имеет и самостоятельную ценность как введение в проблематику изучения берестяных грамот («берестологию») для читателей, не владеющих русским языком и вследствие этого лишенных возможности ознакомиться с большинством работ в этой области.

Можно надеяться, что книга попадет в поле зрения специалистов, работающих за пределами славистики, а специалистам по древнерусской письменности послужит хорошим стимулом для дальнейшего исследования вопросов, связанных с прагматикой и коммуникативными особенностями берестяных грамот.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- ГВНП — *Граммоты Великого Новгорода и Пскова*. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. [*Gramoty Velikogo Novgoroda i Pskova* [Birchbark letters of Veliky Novgorod and Pskov]. Moscow, Leningrad: Academy of Sciences of the USSR Publ., 1949.]
- Гиппиус 2004 — Гиппиус А. А. К прагматике и коммуникативной организации берестяных грамот. *Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1997–2000 гг.)*. Т. XI. Янин В. Л., Зализняк А. А., Гиппиус А. А. М.: Русские словари, 2004, 183–232. [Gippius A. A. Towards pragmatics and communicative organization of birchbark letters. *Novgorodskie gramoty na bereste (iz raskopok 1997–2000 gg.)*. Vol. XI. Yanin V. L., Zaliznyak A. A., Gippius A. A. Moscow: Russkie Slovarei, 2004, 183–232.]
- Грамоты XIV — *Граммоты XIV ст.* Упорядкування, вступна стаття, коментарі і словники-показачки Пещак М. М. Київ: Наукова думка, 1974. [*Hramoty XIV st.* [Birchbark letters of the 14th century]. Compilation, introduction, comments and glossaries by Peshchak M. M. Kyiv: Naukova Dumka, 1974.]
- ДНД₂ — Зализняк А. А. *Древненовгородский диалект*. 2-е изд. М.: Языки славянской культуры, 2004. [Zaliznyak A. A. *Drevnenovgorodskii dialekt* [Old Novgorod dialect]. 2nd edn. Moscow: Yazyki Slavyanskoi Kul'tury, 2004.]
- Колесов 2009 — Колесов В. В. *Историческая грамматика русского языка. Учебное пособие*. М.: Academia, 2009. [Kolesov V. V. *Istoricheskaya grammatika russkogo yazyka. Uchebnoe posobie* [Historical grammar of the Russian language. A teaching guide]. Moscow: Academia, 2009.]
- НГБ XII — Янин В. Л., Зализняк А. А., Гиппиус А. А. *Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 2001–2014 гг.)*. Т. XII. М.: Языки славянской культуры, 2015. [Yanin V. L., Zaliznyak A. A., Gippius A. A. *Novgorodskie gramoty na bereste (iz raskopok 2001–2014 gg.)*. Vol. XII. [Novgorod birchbark letters (from the excavations of 2001–2014)]. Moscow: Yazyki Slavyanskoi Kul'tury, 2015.]
- Петрухин 2013 — Петрухин П. В. К прагматике сверхсложного прошедшего времени в восточнославянской письменности. [Petrukhin P. V. The pragmatics of the supercompound Past Tense in the East Slavic written texts.] *Wiener Slavistisches Jahrbuch*, Neue Folge, 2013, 1: 74–98.
- Bulanin 1997 — Bulanin D. Der literarische Status der Novgoroder „Birkenrinden-Urkunden“. *Zeitschrift für Slawistik*, 1997, 42: 146–167.
- Collins 2001 — Collins D. *Reanimated voices: Speech reporting in a historical-pragmatic perspective*. Amsterdam: John Benjamins, 2001.
- Franklin 1985 — Franklin S. Literacy and documentation in Early Medieval Russia. *Speculum*, 1985, 40: 1–38.
- Lazar 2014 — Lazar M. *Von Geld und guten Worten: Entwicklung des russischen Geschäftsbriefes als Textsorte*. (Slavolinguistica, 19.) München: Verlag Otto Sagner, 2014.

Получено / received 23.01.2019

Принято / accepted 19.02.2019

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

научный журнал Российской академии наук
(свидетельство о СМИ ПИ № ФС 77-66704 от 28.07.2016 г.)

Оригинал-макет подготовлен С. С. Белоусовым

Адрес редакции: 119019, Москва, ул. Волхонка, 18/2,
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, редакция журнала «Вопросы языкознания»,
тел.: +7 495 637-25-16, e-mail: voprosy@mail.ru

Подписано к печати 22.07.2019 Формат 70×100¹/₁₆ Уч.-изд. л. 15,5

Тираж 400 экз., включая 5 экз. бесплатно

Зак. 5/4а Цена свободная

Учредители: Российская академия наук, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Издатель: Российская академия наук

Исполнитель по контракту № 4У-ЭА-199-18 ООО «Интеграция: Образование и Наука»
117418, Нахимовский проспект, 47

Отпечатано в ООО «Институт информационных технологий»